

В нынешнем году Сингапур размахисто отмечает 50-летие независимости

Тут все друг друга и все друг про друга знают, и малайцы прекрасно уживаются с китайцами. «Когда в 1960-х в Сингапуре были расовые волнения, мы спали спокойно и не запирали дверей». И действительно, в Буангкоке я ощущаю такую сплоченность, такое чувство локтя, что по своей воле жители Буангкока в квартирные дома, которые они называют голубятнями, не переедут. Но высотки вплотную подступают к Буангкоку, и лишь вопрос времени, когда этот кусочек старого сингапурского быта размером с три футбольных поля будет распахан под госзастройку. «Я потеряю соседей, потеряю друзей, когда стану жить за закрытыми дверями в квартирном доме», — говорит, глядя куда-то поверх меня, Ахмад.

Плачу два с половиной сингапурского доллара и занимаю место среди пассажиров на бывалого вида баркасишке. Через 10 минут, где-то посреди пролива, отделяющего Сингапур от Малайзии, он пристает к острову Убин, что значит «гранитный». Раньше тут действительно добывали гранит, из которого сложены многие известные сингапурские здания, да и мост в Малайзию. К 1970-м годам добыча сошла на нет, а «экономическое чудо» по ту сторону пролива стало, как магнитом, переманивать убинскую молодежь. Остался поросший по окружности манграми и нетронутый строительством остров, отшель с редкого многообразия морским миром и неторопливый быт согни островитян — все это в 10 минутах от сингапурского аэропорта Чанги.

Как и жители кампонга Буангкок, убинцы живут просто и с явным безразличием к сингапурскому киасу — эту специфику житейской философии можно перевести как «боязнь остаться в хвосте». Самое высокое сооружение тут 20-метровая смотровая вышка, откуда виден весь остров. Сингапурцы приплывают на Убин как в SPA под открытым небом — посрывать манго, карамболу и гуаву в заброшенных и превратившихся в джунгли садах (я подслушал разговор двух девиц, которые впервые видели знакомые фрукты растущими на деревьях!), взять напрокат велосипед и колесить по тропинкам в густых зарослях, натываясь на одичавших свиней и индюков, ловить в отлив осьминогов, крабов и креветок на мелководье (для тех, кто промывает глазами и не хочет мочить ноги, проложены длинные мостки) или высидеть над затопленной бирюзовой водой каменоломней и подсчитывать, какие из 145 видов птиц, живущих на острове, они уже успели заметить.

Заглядываю в самый живописный дом на острове, где прожил до 101 года старейшина острова Лим Чье Джу, поселившийся здесь в 1936 году и основавший что-то вроде кассы взаимопомощи и первую школу на Убине. Его внук гордо показывает мне фотографии деда с премьером и известными политиками, но за пределами острова Лим помнили как старика, отстоявшего своего домашнего страуса от палачей из ветеринарной инспекции во время эпидемии птичьего гриппа. Потом доезжаю на велосипеде до часовенки в память о дочке немецкого кофейного плантатора, которая, спасаясь от английских солдат во время Первой мировой войны, сорвалась в каменоломню. Убинцы похоронили ее и наделили святостью, на алтаре лежат куклы и косметика, но благодаря странному смешению верований часовня стала популярным местом у азартных таоистов, молящихся о выигрышных числах. Дождаясь баркаса на большую сингапурскую землю, я смотрю на дремлющих в гамаках рыбаков, над которыми взлетают «Боинги» из Чанги, и понимаю, что за 10 минут переправы сейчас преодолю расстояние в десятилетия.

Теперь я знаю и почему сингапурские школьники так хорошо учатся: их водят на экспозицию «10 кругов ада» в парке скульптур «Хо Пар Вилла», и там на восьмом круге во всех деталях показано, как пилат надвое грешников, которые не слушали родителей и жульничали на экзаменах. Вообще, насмотревшись в полутемном гроте, как жарят живьем наркodelьцов, толкут в ступе неплательщиков налогов, варят в горячем масле насильников и вырывают из груди сердце у тех, кто не уважает старших, я многое понял о причинах успеха Сингапура. И хотя китчевость изображаемого слегка смягчает эффект ужастиков, ловлю себя на мысли, что за сквернословие мне вполне грозит быть брошенным на дерево с ножами вместо веток.

Снаружи невероятные, психоделические скульптурные сцены из замеса китайской мифологии, конфуцианских верований и народных сказок продолжают: гигантский краб с женской головой, жаба в женской шляпке верхом на страусе, бабушка, которую кормит грудью молодая женщина, и, откуда ни возмись, миниатюрная статуя Свободы — весь склон кишит тысячами скульптур, одна страннее другой. Этот необыкновенный парк, как и вилла на вершине холма, створенная после оккупации Сингапура японцами, — подарок брата-англофила Бун Хо («Ласковый тигр») брату-синофилу Бун Пар («Ласковый леопард») в 1937 году. Переселившиеся в Сингапур из Бирмы братья Бун разбогатели на ставшей популярной по всей Азии мази «Тигровый бальзам».

Гоночные болиды, высотная архитектура, колесо обозрения — это скорее приметы времени, нежели страны

«Какой сингапурец не помнит классный поход в сад „Тигрового бальзама“ и кошмары, которые потом не давали спать! У меня и сейчас мурашки по коже!» — смеется Йи Линг, которая тем не менее привела с собой двух детей. Удивительно, что в век движущихся скульптур, светомузыки и спецэффектов у «Хо Пар Виллы» все равно получается завораживать аляповатыми фигурками из раскрашенной штукатурки! И дело не в незатейливой моралистике (кстати, кормление грудью старушки — это назидание, как невесткам должно относиться к свекровьям!) и не в гротескном сочетании цвета и формы, а в контрасте единственной в своем роде причуды разбогатевшего фармацевта с раскрученными, но лишенными озорства достопримечательностями XXI века.